

У этих существ рты оказались чуть больше, чем у земных кроликов, и в закрытом состоянии они напоминали плавные линии, слегка приподнятые у уголков, словно сами по себе улыбались. Их мех, независимо от длины, был невероятно мягким, а в зависимости от места происхождения многие виды могли менять окрас, подстраиваясь под окружающую среду.

Помимо этого, у них была еще одна общая черта — мягкий, местами даже трусливый нрав. Почти всегда они позволяли себя гладить и тискать, и лишь при сильном испуге или жестоком обращении выпускали спрятанные глубоко внутри задние лапы и обнажали острые резцы. В такие моменты они могли подпрыгнуть на два метра вверх или совершить прыжок на три-четыре метра в длину, проявляя недюжинную агрессивность. Однажды некий человек, решивший поиздеваться над таким кроликом, был искусан, и окружающие сочли, что он получил по заслугам.

По словам здешних зоологов, такая особенность кроликов объяснялась тем, что их предки в ходе эволюции выработали навыки выживания в суровых условиях. Хотя современные домашние породы давно одомашнены, их генетический код не претерпел серьезных изменений, и древняя память все еще дремала в глубине крови.

Читая об этом, Сюн Мао тогда еще подумал, что они довольно похожи на земных зайцев-беляков: те тоже при испуге превращаются в длинноногих атлетов, способных перемахнуть через огромные препятствия, хотя их длинные ноги и так всегда на виду. Однако почему эти кроликоподобные жители появились здесь и с какой стати решили ему помочь?

Спустя некоторое время Сюн Мао случайно услышал от Фиби такую историю: кто-то взял своего домашнего кролика в путешествие и выложил в сеть серию фотографий, где зверьки меняли окрас в разной обстановке. Это породило повальное увлечение игрой под названием Найди кролика на фото за три секунды, и прогулки с кроликами вошли в моду. В терминале Мицзи в тот момент находилось не меньше семи-восьми кроликов, которых привели с собой хозяева.

Почему именно они решили вырваться от владельцев и проявить свою грозную сторону, чтобы спасти его, Сюн Мао осознал лишь гораздо позднее.

В тот самый миг, глядя на маленьких пушистых помощников, Сюн Мао не чувствовал ничего, кроме недоумения и благодарности.

Эта суматоха привлекла внимание толпы, а охрана терминала и обслуживающий персонал, растолкав людей, пробились вперед. Но, взглянув на жалкое, непонятное существо и окруживших его кроликов, оскаливших зубы и готовых к бою, они на какое-то время замерли в растерянности.

Увидев, что никто больше не двигается, самый крупный кролик подскочил к Сюн Мао, обнюхал его, особенно места, где сочилась кровь, и широко разинул пасть прямо перед его передней лапой.

Сюн Мао почему-то понял, что зверек не причинит ему вреда. Даже видя, как острые зубы, похожие на маленькие гильотины, опускаются на его тело, он не шелохнулся.

Раздался отчетливый щелчок. Всего одно движение — и веревка, терзавшая его так долго, с треском лопнула и развалилась. Вот они — настоящие стальные зубы!

Не упустив созданную ими возможность, Сюн Мао, несмотря на нестерпимую боль, рванулся в сторону заранее намеченного ствола дерева, росшего неподалеку, и из последних сил вскарабкался на него.

Терминал Мицзи как искусственный спутник был воистину уникален. Первоначальные инвесторы не стали торопиться, а засадили спутник растениями, построив терминал вокруг самых крупных деревьев, из-за чего создавалось ощущение, что стволы пронзают здание насквозь. Терминал состоял из четырех этажей: верхний служил посадочной площадкой, а зал ожидания, в котором находился Сюн Мао, был третьим уровнем; два нижних занимали торговые зоны и общепит. Благодаря такому подходу Мицзи поддерживал стабильный поток пассажиров, а инвесторы получали солидную прибыль.

Ствол, на который взобрался Сюн Мао, был не самым толстым — примерно в обхват взрослого человека — и ближе к потолку разветвлялся. Подобно бегу зайцев-беяков, лазание по деревьям было врожденным навыком выживания панды. Хотя Сюн Мао был на пределе, он все же упрямо лез вверх, пока не втиснулся в развилку.

С высоты он видел множество устремленных вверх незнакомых лиц. Кролики-герои уже разбежались, возможно, вернувшись к своим хозяевам. Низкорослый мужчина, похитивший его, тоже исчез — неизвестно, испугался ли он поднявшейся шумихи или скрылся. До него доносились приглушенные звуки голосов, которые, словно дым, проносились мимо, не давая разобрать ни слова.

Получив передышку, усталость, боль и страх начали яростно напоминать о себе, но главным чувством Сюн Мао оставалась растерянность.

Это было совершенно незнакомое место, вокруг — чужие люди, многие из которых могли причинить ему еще больше боли. Впервые сияние нимба большой панды не сработало. Или не впервые? С момента похищения он перестал быть нежным и оберегаемым детенышем, превратившись в товар, в заложника, а то и в еду. И сейчас, хотя побег удался, не зашел ли он в тупик?

В момент, когда его связывали, Сюн Мао отчаянно звал Мо Цяня. И дело было не в том, что тот величественный человек обладал мощными экстрасенсорными способностями или командовал целой армией. А в том, что в этом пугающе чужом мире он был единственным, кто заботился о том, достаточно ли мягкой была его еда, единственным, кто осторожно проверял температуру воды для его купания, и единственным, кто похлопывал его по спине, когда он просыпался от кошмаров. Человеком, которому он действительно доверял.

В жизни сироты было немало несправедливости, но случалась и бескорыстная помощь. Первое научило его быть сильным, второе — сохранять оптимизм и благодарность. Но никто не учил его доверять. Попад в этот странный временной поток, он наконец встретил такого человека.

Тело детеныша позволило ему пассивно принимать заботу, а закрытая и комфортная среда — наслаждаться защитой как физической, так и психологической. Чтобы превратиться из человека в панду, хватило одного мига, а душевное перевоплощение из взрослого мужчины в беззащитного малыша заняло не намного больше времени под прикрытием нежной опеки и чуткого руководства. Этого хватило, чтобы он погрузился в безмятежность и расслабился, начав новый, ранее не ведомый ему путь роста.

Он обрел многое, но и потерял что-то очень важное.

Когда его увозили все дальше от поста охраны базы, в его сознании эхом звучало имя Мо Цянь, и от этого его охваченному ужасом разуму стало холодно. Если бы Мо Цянь был здесь, он бы точно спас его. Но его нет, и значит, не стоит полагаться только на других — нужно рассчитывать на себя. — Сюн Мао, подумай, что ты можешь сделать! — крикнул он мысленно и приказал себе не думать о Мо Цяне.

Сейчас он сделал все, что мог. Но оказался слишком слаб, чтобы вырваться на свободу в одиночку. Что еще остается? Куда идти? Сюн Мао не знал.

Глаза защипало, зрение затуманилось, лица внизу исказились, превратившись в демонов, ждущих, когда он сорвется в бездну.

Имя снова всплыло из глубины сердца, добралось до корня языка, ворочаясь в беспомощно открытом рту, не находя выхода.

Когда человеческое волевое усилие становится слишком мощным, могут возникнуть галлюцинации.

Он увидел, как тот человек идет по воздуху, ступая над головами бесчисленных демонов с искривленными лицами, точно божество.

Мо Цянь.

Глава 20

Когда с базы пришли вести, Мо Цянь находился на борту малого военного корабля, возвращавшегося из похода.

В штабе проходило важное совещание, и он обязан был присутствовать в столичной системе. Путь был неблизким, основная часть времени ушла на перелет. Сразу после окончания

заседания он не задержался дома ни на день, выбрав немедленное возвращение. Столь утомительные совещания лишь подтверждали, что внутри армии назрели серьезные проблемы, а на планете Боге оставалось много дел, да и оставлять пушистого малыша одного дома было тревожно. Хотя он просил Ся Ци присматривать за ним, Сюн Мао все же не был обычным детенышем, и многие его особенности не стоило демонстрировать лишним глазам.

Получив сообщение о том, что Гунь Гунь пропал и вероятнее всего похищен, Мо Цянь первым делом решил, что это ошибка. Но, увидев имя отправителя — Ся Ци, сердце его ушло в пятки.

Майер тоже прочел сообщение и, не сдержавшись, вскрикнул: — Невозможно! Гунь Гунь — всего лишь маленький зверек, кто рискнет пойти на это ради похищения с базы? Кто... — но его голос оборвался, будто его схватили за горло. Ся Ци никогда не лгал; этот человек не умел даже шутить.

Майер быстро перевел взгляд на командира. Гунь Гунь был милым, умным, и они все к нему привязались. Если ему причинили вред, он придет в ярость и при первой возможности отомстит обидчикам. Конечно, как воин, он был довольно хладнокровен к смерти, но известие о пропаже заставило его задуматься о серьезных проблемах с безопасностью на базе.

Разумом он понимал, что Мо Цянь — более сильный и стойкий воин, чем он сам, само воплощение хладнокровия. Однако чувства подсказывали иное. Он наблюдал, как этот жесткий человек обращается с мягким комочком: видел его смягчившийся взгляд, когда он кормил малыша фруктовым пюре, и видел тревогу, когда тот безобразничал. На самом деле, всем казалось, что командир стал гораздо человечнее.

Молодой генерал в черном мундире сохранял невозмутимость. Он быстро отдавал распоряжения, методично организуя проверку базы, хотя Майер заметил, как свелись к переносице его брови.

— Если исключить случайности, это направлено против 23-й армии, а значит, против вас. Маловероятно, что это люди извне; мы следили за всеми, кто потенциально мог представлять угрозу, — сухо сказал адъютант в летящем корабле.

— Нет, не за всеми! — отрезал Мо Цянь.

Майер нахмурился: — Вы имеете в виду тех нескольких отстраненных охранников, которые выполняли лишь мелкую грязную работу? Как они посмели? Откуда у них способности?

— Если кто-то предложил поддержку, они бы посмели. И если мы их игнорировали, считая, что наши солдаты не станут относиться к ним так же строго, как к обычным людям, то у них была такая возможность.

Не успел он договорить, как пришло новое сообщение: проверка базы завершена, других угроз не обнаружено, подозреваемый — охранник Бало. Ниже были приложены его досье и

результаты расследования.

Узнав, что часовой на посту отпустил его, стоило тому лишь сказать, что нужно проститься с умирающим родственником, Майер едва не разбил стакан. Но гнев тут же сменился страхом. Был ли виноват солдат? Да. Но еще больше были виноваты офицеры.

Как и большинство эсперов, Майер оказывал базовое уважение охранникам, но не уделял им особого внимания. В глубине души понятие охранник означало не того, кого охраняют, а того, кто прислуживает. Ся Ци изменил его мнение, но он был исключением. Таких исключений было слишком мало, и со временем они привыкли оставлять свое внимание только для равных себе. Мо Цянь же был самым зорким из них, но его высокий пост обязывал следить за глобальными угрозами, и он никак не мог предположить, что ничтожный охранник под носом целой армии осмелится покуситься на то, что даже не считалось полноценным животным, — и у него это выйдет!

Если сегодня пострадал Гунь Гунь, что будет завтра, если они продолжают игнорировать этот вопрос? Майер почувствовал, как холодный пот пробежал по его спине.

Ему самому было не по себе, а каково же сейчас Мо Цяню — и перед самим собой, и перед армией?

Командир молча стоял у иллюминатора, вперив взгляд в тьму космоса. Его лицо ничего не выражало, но Майеру казалось, что он готов прожечь его насквозь.

Определение подозреваемого — лишь первый шаг. Самое сложное ждало впереди. Сейчас они не могли ничего сделать, только ждать результатов слежки. Как назло, этот негодяй, пользуясь чьими-то подсказками, использовал поддельные документы, создавая массу проблем. Часы ожидания тянулись мучительно медленно.

Хотя все сообщения были сдержанными, Майер понимал, сколько беспокойства и вины чувствовал Ся Ци. А Мо Цянь так и застыл, словно превратился в статую.

Гунь Гунь, где же ты?

Когда Майер уже начал сам превращаться в камень, пришло важное сообщение: терминал Мицзи.

— Я разворачиваю корабль и связываюсь с местной полицией, — распорядился Майер. Это был самый разумный вариант.

— Корабль продолжает двигаться к Боге, ты возвращаешься на базу помогать Ся Ци, а на Мицзи я доберусь сам, — Мо Цянь направился к выходу. Вряд ли какой-то военный корабль мог угнаться за ним сейчас.

Майер не стал спорить: посадка военного судна на коммерческий спутник вызвала бы лишние вопросы. — Я принесу вам легкий доспех.

Мо Цянь едва заметно замедлил шаг. Чуть было не вылетел в открытый космос просто так.

Доспех, как и вся форма, был угольно-черным. Он был в разы легче древних скафандров, защищал от радиации и обладал встроенными двигателями и инструментами. Для обычного человека время жизнеобеспечения в нем ограничено, но Мо Цянь был способен сделать в этом промежутке невероятно много.

Когда доспех полностью облачил его тело, скрыв человеческую мягкость, пришло новое сообщение. На фото из сети, в самом центре круга из кроликов, сидело то самое странное существо в зале ожидания.

Майер ахнул: — Это же Гунь Гунь!, но Мо Цянь уже исчез.

Несмотря на попытки сдержаться, он мгновенно достиг окрестностей Мицзи. Облик малыша, запечатленный на фото, все еще стоял у него перед глазами, покрывая все вокруг инеем. Подавив импульс, он бросился к терминалу, используя свою истинную скорость.

Здание аэропорта и гражданские системы защиты не могли остановить военного супервоина. Словно входя в собственный дом, Мо Цянь влетел в открытое широкое окно прямо в зал ожидания и сразу увидел свое дитя, беззащитно висящее на ветке деревьев под потолком.

В то же мгновение Сюн Мао, с заплаканными глазами, увидел внезапно появившееся божество. Не слыша криков изумленной толпы, он смотрел, как этот силуэт, идя против света, ступает по воздуху и шаг за шагом приближается к нему, словно воплощение спасения.

Хотя он видел лишь грозного воина в черной броне, его помутившееся сознание подсказало: это его опекун, Мо Цянь, пришедший на зов его сердца.

Лишь ощутив ледяное дыхание брони на своем носу и почувствовав нежное прикосновение к макушке, он понял — папа пришел!

Слезы хлынули потоком. Когда скотч и кляп были удалены, Сюн Мао издал невнятный скулящий звук и был нежно подхвачен на руки, прижат к холодной груди.

Руководство терминала уже подросло. В отличие от обычных пассажиров, они, едва завидев черную броню, почувствовали, как подкашиваются ноги. Личность прибывшего была неизвестна, но высокий чин офицера не вызывал сомнений, и это предвещало огромные неприятности.

Они не заставили себя долго ждать: офицер с существом на руках спустился и уверенным

шагом направился в медпункт. Никто не смел издать ни звука, представители администрации семенили позади, сообщая медикам о необходимости срочной готовности.

Все рейсы были отменены, полиция оцепила терминал, начиная прочесывание. Но в итоге, кроме нескольких свидетелей и видеозаписей, они нашли лишь труп похитителя со сломанной шей. Это был конец.

Глава 21

Когда Сюн Мао вернулся на Боге, все солдаты прошли через жесткую переподготовку, и атмосфера на всей базе кардинально изменилась.

Однако Сюн Мао этого уже не замечал. После того как Мо Цянь обнял его, он отключился и с тех пор не приходил в себя — ни когда врачи обрабатывали раны, ни когда его везли домой.

Помогая врачу очистить кожу малыша, Мо Цянь увидел весь масштаб увечий. Ключья свежей шерсти были вырваны, кожа покрыта кровавыми рубцами, на конечностях оставались глубокие следы от веревок — их пришлось брить, чтобы провести дезинфекцию.

Хотя благодаря быстрому росту вес Гунь Гуня уже перевалил за десять килограммов, перед ним все еще был ребенок. Кроме эпизода с пиратами, он никогда не знал боли. Мысль о том, какой страх и муки испытал малыш, вызывала в Мо Цяне яростное желание все разрушить, но внешне он оставался невозмутим.

Сняв черный боевой доспех, офицер показал лицо, известное в Федерации каждому. Оpozнав самого молодого генерала, прозванного Оркской Розой, командира 23-й армии Мо Цяня, люди вокруг тихо выдохнули. Все знали, что, хоть Мо Цянь неразговорчив, он человек порядочный и близкий к народу. В сравнении с другими военными, чья репутация была туманной, это лицо, даже источающее холод, казалось надежным.

Разумеется, Мо Цянь не стал никого отчитывать, а просто попросил врачей немедленно приступать к спасению.

<http://bllate.org/book/19102/1876162>